

Александр Александрович Бестужев-
Марлинский

Мореход Никитин

Александр Бестужев-Марлинский

Мореход Никитин

«Public Domain»

1825

Бестужев-Марлинский А. А.

Мореход Никитин / А. А. Бестужев-Марлинский — «Public Domain», 1825

«В 1811 году, в июле месяце, из устья Северной Двины выходил в море небольшой карбас. Надо вам сказать, что в 1811 году в июле месяце, точно так же, как в настоящем 1834 году, до которого мы дожили по милости божией и по уверению календаря академии, старушка Северная Двина выливала огромный столб вод своих прямо в Северный океан, споря дважды в день с приливом, который самым бессовестным образом вторгался в ее заветные омуты и превращал ее сладкие, благородные струйки в простонародный рассол, годный разве для трески...»

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александр Александрович Бестужев-Марлинский Мореход Никитин¹ *Быль*

*A sail, a sail – a promised price to hope!
Her nation, flag? What speaks the
telescope?
She walks the waters like a thing of life
And seems to dare the elements to strife.
Who would not brave the battle fire,
the wreck,
To move the monarch of her peopled deck?²*

Byran

* * *

В 1811 году, в июле месяце, из устья Северной Двины выходил в море небольшой карбас. Надо вам сказать, что в 1811 году в июле месяце, точно так же, как в настоящем 1834 году, до которого мы дожили по милости божией и по уверению календаря академии, старушка Северная Двина вылиwała огромный столб вод своих прямо в Северный океан, споря дважды в день с приливом, который самым бессовестным образом вторгался в ее заветные омуты и превращал ее сладкие, благородные струйки в простонародный рассол, годный разве для трески. Обязан я вам и объяснить по долгу литературной совести, что карбасом в те поры, как доселе, называлось судно шагов восемнадцать длиннику, на шесть ширины, с двумя мачтами-однодревками, полусшитое корнями, полусбитое гвоздями, из которых едва ль пятая часть были железные. Палубы на карбасе обыкновенно не полагалось, а на корме и на носу небольшие навесы образовали конурки, где, на кучах клади, только русская спина, и только одна спина, могла уютиться, скрутясь в три погребели. Вследствие чего, как вы сами усмотреть благоизволите, в середину судна белый свет и бесцветная вода сверху и снизу, справа и слева, могли забежать и проживать безданно, беспоплино. Посудина эта, или, выражаясь учтивее, этот корабль, – а слово «корабль», заметьте, произвожу я от «короба»³, а короб от «коробить», а коробить от «горбить», а горб от «горы»: надеюсь, что это ясно; какие-то подкидыши этимологи производят «корабль» от какого-то греческого слова, которого я не знаю, да и знать не хочу, но это напраслина, это ложь, это клевета, выдуманная каким-нибудь продавцом греческих орехов; я, как вы изволите видеть, коренной русский, происхожу от русского корня и вырос на русских корнях, за исключением биквадратных, которые мне пришлось не по зубам, а потому, за секрет вам скажу, терпеть не могу ничего заморского и ничему иностранному не верю, – итак, этот корабль, то есть этот карбас, весьма походил на лодию, или ладью, или лодку древних норманнов, а может статься, и аргонавтов, и доказывал похвальное постоянство русских в корабельной архитектуре, но с тем вместе доказывал он и ту истину, что мы с неуклюжими карбасами наследовали от предков своих славено-русов отвагу, которая бы сделала честь любому hot pressed, силой завербованному моряку, танцующему под свисток man of war⁴ на лоценой

³ Слово корабль... произвожу я от короба... – По мнению ученых, слово «корабль» греческого происхождения.

⁴ военный (англ.).

палубе английского линейного корабля, или спесивому янки⁵, бегущему крепить штын-болт⁶ по рее американского шунера.

Да-с! Когда вздумаешь, что русский мужичок-промышленник, мореход, на какой-нибудь щепке, на шитике⁷, на карбасе, в кожаной байдаре, без компаса, без карт, с ломтем хлеба в кармане, плавал, хаживал на Грумант, – так зовут они Новую Землю, – в Камчатку из Охотска, в Америку из Камчатки, так сердце смеется, а по коже мурашки бегают. Около света опоясать? Копейка! Послушайте, как он говорит про свои странствия, про которые бы французы и англичане и в песнях не напелись, и в колокола не назвонились, и вы убедитесь, что труды и опасности для него игрушка. «Забрались мы к Гебрицким да оттуда на перевал в Бразилию, в золотое царство махнули. Из Бразилии перетолкнулись в Камчатку, а оттоль ведь на Ситку⁸ – то рукой подать!» Вот этаких удалцов подавай мне, – и с ними хоть за живой водой посылай! Океан встретя? Океан шапками вычерпаем! Песчаное море? Как тавлинку, вынюхаем! Ледяные горы? Вместо леденца сгрызем! Где ж это сударыня Невозможность запропастилась? Выходи, – авось на подметки нам пригодится! Под кем добрый конь авось-масти, тому лес не лес, река не река: куда ни поскачут – дорога, где ни обернется – простор. На кита? – так на кита – экая невидаль! Зубочисткой заострожим! На белого медведя? щелком убьем; а в красный час и лукавый под руку не подвертывайся. Нам уже не впервые на зубах у него гвозди ковать, в нос колечко вдевать. Правду сказать, русак тяжел на подъем; раскатать его трудно; зато уж как пойдет, так в самоходах не догонишь. Куда лениво говорит он первое «ась?». Но когда после многих: «Да на что мне это! Да к чему мне это! Живем и так; как-нибудь промаячим!» – доберется он до «нешто, попытаем!» да «авось сделаем», так раздайтесь, расступитесь: стопчет и поминай как звали! Он вам перехитрит всякого немца на кафедре, разобьет француза в поле и умудрится на заводе лучше любого англичанина. Не верите? Окунитесь только в нашу словесность, решитесь прочесть с начала до конца пламенные статьи о бессмертных часах с кукушкою, о влиянии родимых макарон на нравственность и о воспитании виргинского табаку⁹, статьи столь пламенные, что их невозможно читать без пожарного камзола из асбеста, – и вы убедитесь, что литературные гении – самотесы на Руси так же обыкновенны, как сушеные грибы в великий пост, что мы учнее ученых, ибо довелись, что науки вздор; что пишем мы благонравнее всей Европы, ибо в сочинениях наших никого не убивают, кроме здравого смысла.

Но к делу. В 1811 году еще ни один пароход не пугал своими шумными колесами рыбный народ в реках русских, и потому двинские рыбки безбоязненно высовывали головки свои, чтобы полюбоваться на вороной как смоль карбас и тех, которые им правили. Вот физиологические подробности, полученные мною от одной из очевидиц, шук: несмотря на архангелогородскую соль и непривычное ей путешествие в розвальнях, слог этой шуки так цветист, как будто бы она кушала сочинителей всех темных, пестрых и голубых сказок¹⁰; должно думать, что предметы, отражаясь в тысяче граней рыбих глаз, производят необыкновенное разнообразие впечатлений в их мозге; образчик прилагается в подлиннике.

Река, – рыбы всегда начинают речь с своего отечества, с своей стихии: благоразумные рыбы! в этом они нисколько не следуют сосцепитательным сочинителям, которые всего более любят говорить о том, что они знают наименее, – река чуть струилась; корабль катился быстро, напутствуемый теченьем и ветром; пологие берега незаметно текли мимо его, и если б кой-где

⁵ В насмешку англичане называют североамериканцев уанкее.

⁶ Штын-болт – особый морской узел.

⁷ Шитик – мелкое речное судно.

⁸ Ситка (Ситха) – город на Аляске, ныне Ново-Архангельск.

⁹ Виргинский табак – нюхательный табак, выращенный в Виргинии (Сев. Америка).

¹⁰ ...кушала сочинителей всех темных пестрых и голубых сказок... – Видимо, здесь имеется в виду В.Ф.Одоевский (1804—1869), автор книги «Пестрые сказки с красным словом» (1833).

стоящие на якорях суда не оказывали бега судна как поверстные столбы, то пловцы в карбасе могли бы подумать, что они неподвижны: столь однообразно-пусты, так безмолвно-мертвы были окрестные тундры. Тогда еще не видно было на берегах Двины сахарных и канатных заводов, и ни одна верфь не готовила бросить в воду юных скелетов корабельных, еще не одетых дубовою плотью. На всем пространстве от Соломбола¹¹ до устья не встретилось им ни одной живой души, хотя разноцветный мох подернут был оранжевою ягодой морошки...

– Отличное противоскорбутное¹² средство! – замечает мой приятель, медик. – Природа помещает всегда противуядие вблизи яда; как мне известно, морошка составляет теперь отрасль торговли Придвинского края: ее для английского флота вывозят тысячами сороковых¹³ бочек.

...Морошки, раскинутой причудливыми узорами, подобно фате северной красавицы...

– Лучше бы сказать, подобно русскому ситцу, – говорит один женатый помещик, – потому что русские ситцы-самоделки точь-в-точь морошка по болоту.

Рыба сморкает нос и продолжает:

Только одинокий журавль, царь пустыни, бродил там, как ученый по части зоологии...

Он, – то есть журавль, а не ученый, – втыкал нос в мутную воду, в жидкий ил и, вытащив оттуда какого-нибудь червячка или пескаря, гордо подымал голову. Оглянувшись на карбас, он рассчитал глазомерно расстояние и, уверившись, что находится вне выстрела, погнался за резвою лягушкою, беспечно кивая хвостиком. Он нашел лягушку гораздо занимательней людей.

И справедливо: барон Брамбеус хоть вовсе не похож на журавля, а чуть ли не того же мнения. «Лягушек не лягушек, – скажет он, – а что устриц я всегда предпочту людям! Во-первых, древность происхождения устриц глубже всякой летописи и несомненное Несторовой¹⁴, так что сам барон Кювье¹⁵ не отыскал пятна в их предпотопной генеалогии; во-вторых, они постоянное китайцев в своих мнениях: рождаются себе и умирают у скалы, к которой приросли, и с доброй воли не делают фантастических путешествий¹⁶; и, в-третьих, не заводят в старом море юной литературы».

Судя по хладнокровию, или, лучше сказать, по беспечности, с какою четверо мореходцев, составлявших экипаж карбаса, пускались в шумный бурун, образованный борьбою речной воды с напором возникающего прилива, их можно было бы зачислить в варяжскую дружину, не подводя под рекрутскую меру. На руле сидел здоровый молодец лет двадцати семи: волосы в кружок, усы в скобку, и борода чуть-чуть закудрявилась, на щеках румянец, обещавший не слинять до шестидесяти лет, с улыбкой, которая не упорхнула бы ни от девятого вала, ни от сам-девять сатаны, – одним словом, лицо вместе сметливое и простодушное, беззаботное и решительное; физиономия настоящая северная, русская.

По одежде он принадлежал к переходным породам. На голове английская пуховая шляпа, на теле суконный жилет с серебряными пуговицами; зато красная рубашка спускалась по-русски на китайчатые шаровары¹⁷, а сапоги, по моде, сохранившейся у нас со времен Куликовской битвы, загибали свои острые носки кверху. По самодовольным взглядам, которые бросал

¹¹ Соломбол (Соломбал) – остров в устье Северной Двины.

¹² Противоскорбутный – от нем. скорбут – цинга, болезнь, развивающаяся вследствие отсутствия в пище витамина С.

¹³ Сороковой – то же, что сорокаведерный.

¹⁴ ...летописи и несомненное Несторовой... – Нестор – русский писатель конца XI – нач. XII в., составитель летописного свода «Повести временных лет» (ок. 1113 г.).

¹⁵ Кювье Жорж (1769—1832) – французский естествоиспытатель, автор известных трудов по анатомии, палеонтологии и систематике животных.

¹⁶ ...не делают фантастических путешествий... – Речь идет о новеллах О.И.Сенковского «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» (1833).

¹⁷ ...китайчата шаровары... – из «китайки», хлопчатобумажной ткани, первоначально привозившейся из Китая.

наш рулевой на изобретенный им топсель¹⁸, вздернутый сверх рейкового паруса, он принадлежал к школе нововводителей. У средней мачты, в парусинной куртке и в таких же брюках, просмоленных до непроницаемости, сидел старик лет за пятьдесят, у которого благословенная борода была в явном разладе с кургузым матросским платьем: явление странное всегда и нередкое до сих пор. Издавна ходил он по морям на кораблях купца Брандта¹⁹ и компании, но напрасно уговаривали его хозяева обрить бороду. Ураганы могли теребить ее, море вцеплять в нее свои ракушки, вкраплять соляные кристаллы, случай заедать в блок или в захлест каната, но владетель ее был непоколебим ни насмешками юнгов, ни ударами судьбы. Он не возлагал даже на нее постригала, и она в природной красе, во весь рост расстилалась по груди и по плечам упряма. Дядя Яков, так звали этого чудака, сидел на бочонке русского элемента, квасу, и сплескивал, то есть страшивал, веревку. У ног его почти лежал молодой парень лет двадцати, упершись ногою в борт и придерживая руками шкот²⁰, угловую веревку паруса. По его свежему лицу, по округлым, еще не изломанным опытностью чертам, по любопытству, с каким поворачивал он вокруг глазами, даже по неловкости его, больше чем по покрою кафтана, можно было удостовериться, что он не просоленный моряк, новобранец, только что из села.

На носовом помосте лежал ничком, свесив голову за борт, коренастый мореход с физиономией, какие отливает природа тысячами для вседневного расхода. Не на что было повесить на ней никакого чувства, а мысль, будь она кована хоть на все четыре ноги, не удержалась бы на гладком его лбу. Он поплевывал в воду и любовался, как струя уносила изображение его жизни, и потом запевал: «Ох, не одна! Эх, не одна!» – и опять поплевывал. Он принадлежал к бесконечному ряду практических философов, которые разрешают жизнь самым безмятежным образом, – работать, когда нужно, спать, когда можно.

Молодой человек, сидевший на руле, был полный и законным хозяин карбаса, вместе с грузом, и временный командир, капитан или воевода дяди Якова, Алексея, племянника по его сердцу, и неизбежного Ивана по сердцу всему свету. Оставшись сиротой на двенадцатом году возраста, он, как большая часть удалых ребят Архангельской губернии, нанялся юнгой на английский купеческий корабль и мыкался бурями и волнами до двадцати двух лет, имея удовольствие получать щелчки от шкиперов²¹ всех наций и побранки на всех языках. Наскучив бесприютною жизнью матросскою, он пристал к истинно почтенному классу биржевых артельщиков, людей испытанной честности, трезвых, деятельных, смысленных, и потом взят с хорошим жалованьем в контору одного из богатейших иностранных купцов Архангельска. Через шесть лет он был уже в состоянии покинуть чужое гнездо. Его томила охота отвесть своего счастья, поторговать на свое имя, – и вот он купил и снарядил карбас, – и вот он теперь уже в пятый раз, в другое лето, пускается в море.

Впрочем, никогда еще Савелий Никитич – это было его имя – не пускался в море с таким запасом веселости, как этот раз. Причину тому я знаю, – да и чего я не знаю? – не хочу таить ее за душой. Он – в добрый час молвить, в худой помолчать – задумал жениться. Дочь его соседа, также архангельского мещанина, как он сам, Катерина Петровна, прелестная, как все Катерины вместе, и миловидная, как ни одна из Катерин, до сердца приглянулась нашему плавателю. Его воображение, изощренное морским воздухом, и во сне ничего не грезило свежее, умнее и достойнее этой русокозой красавицы. Ему всего более понравилось, что она порядком отбояривала от себя молодых флотских офицеров, которые, сверх обязанностей по службе, берут на себя образование молодых девушек во всех портах пяти частей света. Одним словом и наконец, он, раскинув умом-разумом, подвел итоги своих карманов, пригладил голову квас-

¹⁸ Топсель – косой треугольный парус.

¹⁹ ...на кораблях купца Брандта... – Брандт Карстен (ум. в 1693 г.) – голландец, корабельный мастер, первый наставник Петра I в морском деле.

²⁰ Шкот – снасть для управления парусом.

²¹ Шкипер – командир грузового судна.

ком и, благословясь, пошел сватать свою зазнобу к отцу ее. С самой Катериной Петровной он, должно быть, давно стакнулся; и хоть я не был свидетелем, да уже на свой страх говорю вам, что молодежь моя променяла между собой не одну клятву любви и верности с приложением взаимных поцелуев. Как быть, милостивые государи! В торговле всегда есть контрабанда, в сватовстве – потаенные сделки.

Савелий расчувствовался; упал на колени перед отцом Катеньки, просит благословения.

Старик отец погладил его по голове и поднял; погладил себя по бороде и сказал:

– Послушай, Савелий Никитич! Ты добрый человек, ты смысленный и честный парень: спасибо, что пришел ко мне прямо, без свах, и тебе я скажу прямо, без обиняков: ты мне по душе, я не прочь породниться с тобою; однако...

Ох, уж мне это «однако» вот тут сидит, с тех еще пор, как учитель хотел было, по его словам, простить меня за шалость, однако высек для примера; с тех пор как мой искренний друг и моя вернейшая любовница клялись мне в привязанности и за словом, однако, надули меня... Однако ж оставим это «однако».

Савелий, не смеядохнуть, стоял перед стариком, высасывал глазами догадки из его лица, но слово «однако», произнесенное с такою расстановкою, что между каждым слогом уложиться могло по двадцати сомнений, распилило его сердце пополам, и опилки брызнули во все стороны.

– Од-на-ко (после ко две черточки), – произнес старик и почесал в затылке, потому что затылок есть чердак человеческого разума, в котором сваливают весь хлам предрассудков, всю ветошь нравучений, колодки давно стоптанных мнений и верований, битые фляжки из-под воображения; или, лучше сказать, он – гостинодворская темная задняя лавка, в которую обыкновенно заводят приятеля-покупателя, чтобы сжить с рук полинялый, староманерный товар. – Однако, Савелий Никитич! ведь не мне жить с тобой, а дочери, а за ней приданое не рогато²². Я и сам с копейки на копейку перепрыгиваю. Рад бы душой, да кус небольшой: у меня же сыновья подростки. Опять и дочери своей мне не хочется видеть в нужде, лучше заживо в землю закопаться. Впрочем, вокруг Катеньки, сам ты известен, женихи словно хмель увиваются.

«Пропала моя головушка!» – подумал Савелий.

– Не в укор тебе будь помянуто – покойник батюшка твой сидел в лавочке, да выехал из ней на палочке: благодаря мичманам проторговался, поплатился добром за свою простоту и пустил тебя круглым сиротою кататься словно медный грош по белу свету. Не осуди, брат Савелий! Имя твоё знаю я, отчество знаю, а животов не знаю. Скажи мне как на духу: есть ли на что у тебя хозяйством обзавестись, да себе на прожиток и детям на зубок придобыть?

Савелий вытащил бумажник, показал ему свои аттестаты, выложил тысячу рублей чистогану, да еще тысячи на полторы квитанций купленным товарам: это для мещанина не безделица.

– Притом я имею суднишко и кредит, – сказал он, – ношу голову на плечах и благодаря создателя не пустоголов, не сухорук. Прошлый год я выгодно продал в Соловках свои товары, был там и по весне; да если с тобой поладим, так с жениной легкой руки в Спасово заговенье²³ опять пушусь. Что ж, Миرونч: аль другие-то лучше меня? Позволь!

– Ну, Савелий, руку! Только свадьбе быть после Спаса. Ты наперед съездишь в Соловки да соберешь копейку на обзаводство; а то с молодым женой ростаням конца не будет. Не поперечь мне, Савелий, у меня слово с заклепом.

– Это очень хорошо! – сказал Савелий. «Это очень плохо!» – подумал Савелий.

Но делать было нечего: довелось согласиться на отсрочку. Благословили образом, обручили, а между тем, покуда подружки-голубушки шили Кате приданое да пели, – между тем,

²² ...за ней приданое не рогато – невелико (нет рогатого скота).

²³ Заговенье – последний день перед постом, когда можно употреблять скоромную (мясную) пищу.

как отец и мать ее пили да плакали, карбас Никитина снарядился и нагружился. Минута разлуки была уже за плечами, уж на плече, уж расправляла крылья, чтоб улететь, а наши милые, или, как выражаются архангелогородцы, «бажонные», обрученники о том и думать не думали. Дядя Яков принужден был вытащить жениха от невесты волоком. Попутный ветер казался ему самую противную погодой; но ветер пересилил любовь. Савелий выпил последнюю каплю наливки, сорвал последний поцелуй с губок невесты. Сладка ему была капля, поцелуй еще слаще; век не расстаться бы с ними, однако он расстался. Ему надо было спешить уехать, чтобы поспешнее приехать. Он прыгнул в карбас, цепь с громом скользнула со свай, карбас отчалил.

Долго стояла Катя на набережной, провожая глазами суженого, махая белой рукой; сердце ее вещевало не на доброе; она залилась слезами и пошла домой, вытирая их миткалевым²⁴ рукавом своей сорочки. С Савельем было не лучше: покуда видна была Катя, он оглядывался, до того, что чуть шеи не вывихнул, а потом взгляды его ныряли в воду, словно он обронил туда свое сердце, словно он с досады хотел ими зажечь струю-разлучницу. И наконец переполненный горечью сосуд пролился: слезы брызнули из глаз бедняги в три ручья, – и именно в три, потому что две струйки сливались у него на носу и катились вниз рекою, точь-в-точь как Юг и Сухона образуют Северную Двину. Это, однако же, облегчило Савелья; он отдохнул; доброе солнышко так весело взглянуло ему в очи, что он улыбнулся; ветер спалхнул и высушил даже следы слез; вот и надежда-летунья начала заигрывать с его душою. И чего, в самом деле, доброму молодцу было печалиться. Впереди его – золото, назади – любовь!.. Правда, между этими оконечностями лежали две бездны моря, усаженные опасностями от бурь и каперов²⁵

²⁴ Миткаль – самая простая хлопчатобумажная ткань, ненабивной ситец.

²⁵ Капер – торговое морское судно, вооруженное частным владельцем для военного грабежа и нанесения вреда неприятелю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.